

деревни и вообще всей подчиненной территории нарушало торговую и промышленную монополию господствующего города. В крупных коммунах эти ограничения более уже не оправдывались погрешностями замкнутого городского хозяйства; они проводились в интересах владельцев промышленных предприятий, стремившихся удерживать на низком уровне цены на съестные припасы и препятствовать, таким образом, повышению уровня заработной платы рабочих.

Впрочем, даже в периоды сравнительно интенсивной торговли создавались бесчисленные препятствия, ограничивавшие свободу действий чужеземного купца — коммуна все еще рассматривалась как замкнутый, самодовлеющий рынок, и сохранились многочисленные пережитки ее первоначальной изоляции. Одним из наиболее серьезных препятствий являлся институт репрессалий: горожанин, пострадавший лично или потерпевший материальный ущерб в результате насильственных действий должностного или частного лица другой коммуны (причем материальным ущербом нередко считалось также невыполнение условий контракта), мог получить у своей городской коммуны, в том случае, если конфликт не удавалось уладить мирным путем, патент на репрессалии в отношении горожан виновной коммуны. В силу этого патента потерпевшему предоставлялось право наложить секвестр на товары, а иногда и подвергнуть аресту любого горожанина коммуны, отказавшейся возместить нанесенный ущерб.

Сохранение института репрессалий являлось не только серьезным препятствием к установлению регулярных торговых отношений между коммунами, но и свидетельствовало также о том, что в политике коммуны продолжал господствовать принцип изоляции; горожанин, покинувший территорию своей собственной коммуны, как правило, как бы попадал на вражескую территорию. В самом деле, в крупных городах возникла потребность освободить купцов от подобной опасности; они стали заключать с соседними коммунами договоры, в силу которых применение репрессалий на определенное время прекращалось или же ограничивалось очень немногочисленными случаями и регулировалось нормами, ослаблявшими их эффективность. Тяжбы, являвшиеся следствием репрессалий, подлежали суду арбитров. Коммуны стремились